

Татяна Иванова

**ЛЕЗЛА БАБА
НА ПЕЧЬ**

Татьяна Александровна Иванова

Лезла баба на печь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51617112

ISBN 9785449831972

Аннотация

Рассказы, статьи, небольшие сценарии о жизни деревенского прихода и многодетной семьи в условиях средней полосы России. Немножко лирики, немножко юмора и даже одно стихотворение.

Содержание

«ЛЕЗЛА БАБА НА ПЕЧЬ»	5
лук в супе	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лезла баба на печь

Татьяна Александровна Иванова

© Татьяна Александровна Иванова, 2020

ISBN 978-5-4498-3197-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это сборник рассказов по мотивам моих статей на Православии.ру и сайте Ржевской епархии, к которой относится наш храм. Статьи были написаны в 2018—2019 гг. Я бы хотела посвятить эту книгу светлой памяти нашего батюшки – о. Алексия Новикова, который умер в 2018 году, и чьими духовными чадами мы себя считаем и будем считать всегда. Прошу строго не судить, писатель я не профессиональный, и это просто рассказы о повседневной жизни в деревне.

Прошу молитв о упокоении протоиерея Алексия, моих родителей Александра и Фотинии, а также о здравии матушки Ольги и нашего семейства – Павла, Татианы, Петра, Варвары, Георгия, Димитрия.

Храни вас всех Господь!

«ЛЕЗЛА БАБА НА ПЕЧЬ»

Откровенный разговор с прихожанкой, уехавшей из мегаполиса в глухую деревню

Благодаря двум последним публикациям материалов о нашей жизни мы с благодарностью и уверенностью готовимся весной продолжить восстановительные работы на алтаре храма: планируем отделку алтаря снаружи (возведение лесов, штукатурка, шпаклевка, покраска) – давно ожидаемые события становятся реальностью благодаря вам и помощи читателей портала.

Современная деревня Нечерноземья стремительно трансформируется из запомнившейся мне по детству многонаселенной, с распаханными полями, огромным, мычащим по утрам совхозным стадом, управляемым оглушительным щелканьем пастушьего кнута, сенокосной страдой, высокими скирдами соломы, с которых мы катались, как с гор... в (не скажу – резервацию) рекреацию, практически никому не нужную, забытую властями всех уровней и мастей, с коротающими свой век родившимися еще до войны бабушками и дедушками, становящимися настоящими «ископаемыми», иногда живущими с детьми, родственниками. Но – неисповедимы пути Промысла! Есть, оказывается, люди, которые предпочли деревенскую жизнь всем городским

«прелестям». Как? Почему? На эти вопросы отвечает прихожанка Свято-Троицкого храма д. Озерце Татьяна Иванова.

– Таня, вы живете в деревне много лет. Кем вы были в «той» жизни, что имели, когда решили все это оставить?

– Мы с мужем оба родились в 1973 году, он на полгода старше меня. Познакомились с ним в 2006 году, у меня на тот момент был 6-летний сын от первого брака, в 2007 «расписались», в 2008 обвенчались, а в 2010 уехали жить из Москвы в глухую деревеньку в Тверской области (как потом выяснилось, расположенную по соседству с вашей). В Москве муж работал ИТ-директором, я – начальником отдела внешнеэкономической деятельности. У нас были очень неплохие оклады и прекрасные соцпакеты. Сын учился хорошо, в обычной школе в 5 минутах от дома. Рядом с нашим домом был лесопарк, детская поликлиника, школы, детские садики, магазины, метро в семи минутах ходьбы. У нас была машина, у мужа была собственная двухкомнатная квартира. Летом мы ездили в Карелию сплавливаясь на байдарке, а по выходным часто приезжали в Дубну к моим родителям и друзьям. В общем, жизнь цвела и пахла, а мы взяли и уехали. И по прошествии почти 8 лет возвращаться совершенно не хотим.

– Можно поподробнее о том, почему решили оста-

вить жизнь в городе?

– В жизни успешной женщины с неплохим достатком существует немало радостей. Ну, вернее, конечно, удовольствий. Опять же – есть муж, москвич с квартирой, есть сын от первого брака. По выходным можно встретиться с друзьями, даже устроить пикник в ближайшем парке, или в кино сходить. Или даже иногда к родителям съездить, там вообще Волга, пляж, сосны. Много всего. Но однажды понимаешь, что чего-то не хватает. Чего-то важного, но неосязаемого. И лет-то совсем немного, чуть за тридцать. И муж – ровесник. А детей вот общих как-то не получается. И чем дальше, тем больше это начинает напрягать. Но ты же привыкла добиваться своего, ты проходишь различные тесты, обследования, сдаёшь анализы, роешься в Интернете. И так три года. И ни гу-гу.

Параллельно пикники на лоне московской природы уже кажутся слишком людными и грязными. Под каждым кустом может оказаться помойка от чьих-то предыдущих пикников. Да и видно всё насквозь – вон, через три дерева тоже праздник, но там алкоголя побольше, да и люди попроще. И начинаем мы поиски дачи. На майские праздники, иногда на лето, ну, и так, чтобы как у всех – квартира, машина, дача. Одни к себе в гости позвали – машина не завелась. Другие позвали – машина отъехала на километр от дома и сломалась. Мы не стали настаивать на повторных поездках, намёк поняли. А тут то ли на «Авито», то ли на каком-то ещё сайте наткну-

лись на объявление. Продаётся дом. В Тверской области (ха-ха, мы-то думали, что Тверская область – это между Москвой и Ленинградом, а она-то и влево, и вправо раскинулась, да площадь чуть поменьше Австрии). Фотографии обычные, но как-то... ну, что-то ведь привлекло. Созвонились с хозяйкой. А она уже бабушка, живёт во Владимире. Но, видя нашу заинтересованность, поехала, считай, за 800 км показывать нам усадьбу. Дело было на 23 февраля. Выезжали из Москвы в жуткую метель. Впереди ехал грузовик, пробивавший колеи в снежных заносах, а мы за ним на своём «матиссе» – и сразу же за нами заметало дорогу вновь. Но когда мы приехали в Торопецкий район, тут уже было холодное зимнее солнце, снег блестел, как рафинад, грейдер расчистил дороги, и мы по какой-то девственно-белой дороге ехали в никуда. Это, конечно, было помутнение разума. Дача в 450 км от дома – это очень далеко. На выходные не наездишься, да и вообще, дороги там такие, что лишний раз вообще не хочется ехать. Дом – изба 1940 года постройки. Русская печь. Хозпостройки. Гектар земли. Муж залез в подпол, залез на чердак, всё устроило. А мы пока с хозяйкой на улице стояли.

Идёт сосед с коромыслом – в баню воду таскает. Подходит к нам и говорит: «Земля здесь отравлена, грибов нет, диких зверей нет, рыбы нет, ничего не растёт, вода плохая», и много ещё всякого наговорил. Я мужу говорю: «Надо брать!» И тут этот сосед, мужчина уже сильно в годах, берёт и на-

девает ведро с водой на голову нашей хозяйке. И говорит: «Если моя жена из-за тебя помрёт, я тебя убью». Не дословно цитирую, но смысл именно такой. Сказать, что я опешила, значит не сказать ничего. Одна льдинка рассекла хозяйке бровь, у неё кровь капает, она мокрая стоит и уже начинает ледяной корочкой покрываться. Дело-то, напомним, в феврале было. Мы сели в машину, я печку посильнее включила, а сама думаю – вот это приём. Там родственно-наследственные претензии впоследствии оказались, но юридически всё было чисто. А просто у людей была обида, что дом не достался им бесплатно. Тег «яжродственник», как сейчас принято писать во всяких социальных сетях.

Мы поехали обратно, и при подъезде к Москве, буквально на МКАД, у нас спустило колесо. Была уже ночь, сервисов маловато, кое-как добарахтались до ближайшего, где доброжелательные мастера обнаружили у нас в колесе гвоздь длиной 10 см. Видимо, когда он в колесо зашёл, то шляпкой дырку закупорил, и мы смогли проехать почти тысячу километров с гвоздём в колесе. Приехали домой слегка, скажем так, обескураженные. И сели думать. Думали два дня, а потом позвонили хозяйке – покупаем! Оформляем сделку! И в этот же день тест на беременность показал мне две полоски. Намёков уже не было, нам сказали прямым текстом, что мы всё правильно сделали, и теперь сами виноваты.

– Таня, вы у нас на приходе относительно недавно,

насколько я помню, примерно три года. Скажите, при переезде из города в деревню какую роль сыграло наличие действующего храма в нашей округе, и сыграло ли вообще, или это потом стало важно и нужно, после переезда?

– Мы ещё на стадии выбора дома задавали вопросы о наличии школы, магазина, церкви. Хозяйка дома, в котором мы теперь живём, ответила на все вопросы утвердительно. Правда, потом оказалось, что «рядом» для деревни – совсем не то, что для города. Школа от нас в 15 км, церковь в 8, ближайший магазин в 4 км. Правда, приезжает автолавка, но там всё чересчур дорого, не факт, что хорошего качества, и не тот ассортимент, который нам интересен.

Но после переезда мы в церковь пошли в первый раз, наверное, не раньше, чем через год. Как всегда – было недосуг, да и не были мы на тот момент воцерковлёнными. Я на Пасху ходила крашеные яйца святить – вот мой уровень православия. А муж только на венчание со мной пришёл в храм. Не первый раз в жизни, конечно, но всё равно – были мы нечастыми захожанами.

– Ваша семья многодетная, а ведь вы, если дети не болеют, бываете в храме на каждой службе. Как вам это удаётся?

– Непонятный для меня вопрос. У нас правило – мы каждое воскресенье и каждый церковный праздник ходим

в храм на литургию, причащаться. Это всё равно, как мы каждый день завтракаем, обедаем и ужинаем. Ни у кого из нас не возникает вопросов «как, зачем?» Правда, время от времени мы давали «слабину демократии» для детей. Возможность выбора. Но выбор у детей всегда один – лучше остаться дома и посмотреть телевизор. Поэтому сейчас мы в ракурсе службы эту демократию убрали. Это аксиома. Конечно, когда кто-то болеет или мы вынуждены уехать из деревни, например, в Москву, мы в церковь не идём. Но это бывает, слава Богу, нечасто. И по возможности мы, будучи в отъезде, стараемся сходить в местный храм, хотя бы детей причастить. А когда все остаёмся дома, то включаем по «Спасу» прямую трансляцию из храма, там каждое воскресенье тоже идут литургии. Хоть так поприсутствовать. Это уже как вода родниковая – ищешь везде возможность испить воды.

– Я наблюдаю, в вашей многодетной семье (Пете – 18 лет, но он сейчас в армии; Варе – семь лет, Егорке – недавно пять исполнилось, Диме – будет три) всё происходит одновременно. Труд и отдых, наведение порядка и беспорядка, пробуждение и сон, трапеза, прогулка, стирка, ремонт машины, болезни и выздоровление и т. д. В связи с этим вопрос – готовитесь ли вы к таинству Исповеди и Святого причащения сами, и готовятся ли ваши дети. И если да, то как это у вас

происходит?

– До недавнего времени мы вычитывали Последование ко Святому причащению в субботу вечером, а последние месяц или два супруг каждый день утром на молитве, помимо глав из Евангелия и Апостола, которые положены к чтению, читает ещё один из канонов. Я вечером езжу на службу в храм, где читается канон на утрене, а муж в это время читает Последование. Детей мы к Причастию молитвенно готовить не понуждаем, но Евхаристический Пост соблюдают в нашей семье все – после полуночи и до Причастия никто из нас не ест и не пьёт. Пока совсем крохотные младенцы были (на грудном вскармливании), конечно, этого правила не соблюдали, я кормила детей по потребности. Но постепенно они привыкали не есть, а позже и не пить до Причастия. Как-то удаётся их отвлечь от постоянного желания что-нибудь сгрызть мимоходом. Немного беседуем, когда повод попадает, со старшими детьми об Исповеди: в чём надо исповедаться, как себя надо вести, чтобы потом не пришлось раскаиваться. Но, скорее, это повседневная жизнь, нет какого-то специального урока. Главное правило – когда взрослые молятся, не шуметь: можете спокойно делами своими заниматься, но не мешать. Перед едой мы все вместе молимся, дети приучены не брать вилки в руки без благословения старших. И этим, кстати, они сильно отличаются от невоцерковлённых детей.

– Сейчас вы переключились в основном на пчеловодство, но в прошлом у вас был длительный «сермяжный» период, когда вы держали всех животных, кроме коров, всех птиц домашних. Как удавалось это сочетать с воспитанием детей и с церковной жизнью?

– В первое же лето, а мы приехали сюда в мае, после того как старший сын закончил 4-й класс, мы купили утят, гусят, инкубировали куриное яйцо, которое взяли у соседки. Просто все эти мелкие птенчики такие симпатичные (мой подход), и с них идёт экологически чистое (своё!) мясо и яйцо (подход мужа) – мы не могли отказаться от этого. Соответственно, вокруг этого всё и закрутилось – полки и клетки в птичнике, корма, лекарства, организация выгула, сенокос, зимний режим жизни в хлеву и т. д. Мы в то время обживались в новых для нас деревенских реалиях и в связи с этим часто ездили в Москву и Дубну, откуда я родом, и много покупали подмосковной экзотики – цесарки, перепела, индюки, зааненские козлята. Но для всей экзотики очень важны условия содержания, в отличие от кур и местных коз, которые, может, много молока и яиц не дадут, но зато их можно кормить со стола, а не качественными кормами. Потом ещё кролики как-то сами собой завелись.

– Сами собой? В норах, что ли? Я однажды видел такой необычный способ содержания!

– Нет, в клетках. Но через два года их выкосила их

«фирменная» болезнь, после чего мы зареклись их держать. Ещё были овцы, индоутки, вьетнамские вислобрюхие свиньи. В общем, действительно, не держали только коров и лошадей, и то приглядывались и так и эдак. Но если вся живность, которую мы держали, могла позволить нам уехать на сутки-двое за пределы дома, то с коровой так не получится. Два раза зимой и три раза летом её надо доить, молоко немедленно перерабатывать и куда-то его сбывать. В последний год мы оставили себе индоуток, кур, свиней на откорм. И постепенно свели всё на нет.

Главная причина – подросшие дети, с которыми надо заниматься. Дочке недавно исполнилось 7 лет, пора идти в школу, и мы наконец определились с семейным образованием, а это накладывает на меня обязательства – занимаюсь с ней я. Вроде бы ничего сложного – читать, писать и считать, но это фундамент, и если она освоит его плохо, остальная учёба пойдёт через пень-колоду.

Средний сын требует внимания, ему 5 лет, надо тоже его постоянно держать при себе, следить за его речью, играми, поведением. Младшему 2,5 года, он ещё младенец, от мамы никуда. Поэтому ни на что, кроме детей, времени не остаётся. Естественно, это подразумевает стирку, готовку, прогулки и т. п. Но благодаря нашей живности мы смогли многое узнать, например, о цикличности жизни, о повадках, болезнях, характерах животных, которые, к слову сказать, немало отличаются от человеческих, о здоровой еде, из-за че-

го теперь страдаем, так как не можем есть в мегаполисе магазинную еду. Ну, и заготовили огромное количество консервов (у нас есть автоклав).

Был даже курьёз, когда пару лет назад я пересчитала банки и нашла неучтённых 80 пол-литровых банок бараньей и свиной тушёнки. Сейчас мы эти консервы понемногу подыдаем.

Регулярным поездкам в храм на службу животные и птицы никогда не мешали.

– Вы поёте на клиросе. Папа читает Часы и Апостол. Как папе удаётся в храме справляться с тремя малышами? Иногда я «спиной» слышу хныканье, а то и плач во время литургии – балуются они или слушают его?

– Для нас обоих это было непростым решением, потому что, конечно, хочется постоять, спокойно помолиться, последить за ходом службы, а дети этого не дают. Был вариант – приезжать всем к Причастию. Но так урезать пребывание в храме мы не смогли, решили – все будем от начала до конца, спасибо, что вы нас в этом непростом решении поддержали; тут уж что – дети есть, за ними надо следить. Никто в храме не должен отвлекаться от службы из-за того, что твой ребёнок балуется. Отвлекаются, конечно, и наши дети, не стоят по струнке во время службы. Я даже не представляю, как этого можно добиться (и нужно ли?).

– **Думаю, не нужно.**

– Дочка уже ездит со мной на вечерние службы, в это время часто стоит на клиросе, пытается разгадать текст на церковнославянском языке. Во время литургии мы последние два раза выдавали ей напечатанный крупным шрифтом текст Символа Веры, и она пела вместе со всем приходом. Ей уже 7, как я говорила, она из младенца стала отроковицей (подумать только!), теперь каждый раз исповедуется перед Причастием. Средний сын в этом плане самый сложный. У него сейчас такой возраст, когда на одном месте долго усидеть невозможно, а тут нельзя шуметь, нельзя бегать, нельзя громко разговаривать. Очень хорошо, что у нас в храме есть столик и стульчики, где дети сидят во время службы, рисуют, раскрашивают. Это очень сильно их утихомиривает. Но к «Херувимской» обычно у среднего терпение заканчивается, его начинает «колбасить», он путешествует туда-сюда по прихожанам, каждый его пытается хоть на пять секунд у себя удержать. А потом, на «Милость мира», мы преклоняем колени, это большая радость детям, они все группируются вокруг матушки, как цыплята вокруг клуши, и с воодушевлением кланяются, поглядывая друг на друга – кто поклонился лучше, ниже, ловчее. Ещё детям поручено гасить свечки, зажигать новые, убирать с подсвечников огарки, что тоже даёт им причастность к службе, это важно. Младший сын почти всё время спит на руках у мужа.

Мы обычно просыпаемся зимой не раньше 8—9 утра, а на литургию встаём в 7, так что дети, конечно, сонные. Но если дочка и средний сын уже повзрослее, если их разбудили, уже не лягут, то младшему, конечно, надо доспать недостающее. И главное – его укачать. Папа его обнимает, оборачивает своей курткой, и тот довольно быстро засыпает, правда, успев иногда поскандальить из-за карандаша или непоставленной свечки. Муж читает Апостол. На чтение Апостола его, спящего, муж передаёт с рук на руки матушке, а потом забирает обратно. Вообще, очень большим нашим недостатком является наша с мужем малая воцерковлённость. Мы не можем дать детям понимание того, что происходит на литургии, что это не просто стояние ровно до тех пор, пока придет время причаститься, а именно служба, с таинственным, волшебным и чудесным смыслом. А ведь детям это гораздо проще понять, если только суметь объяснить. Мы вот не можем.

– Будем работать над этим вместе, вопрос требует решения. Семья – это малая Церковь. Расскажите, как проходит жизнь в вашей малой Церкви. Есть ли молитвенное правило, знают ли дети молитвы?

– Буквально пару дней назад я обратила внимание, что младший сын, который ещё не разговаривает, начинает креститься перед тем, как съесть первую ложку каши. Это для меня было совершенной неожиданностью, наполнившей та-

ким восторгом, что сердце ёкнуло в самом прямом смысле слова. То есть не зря мы их постоянно стараемся приобщить к нашей довольно неуклюжей церковной жизни! У нас есть утреннее и вечернее правило, но вечернее я читаю уже, когда все спят. Мы каждый раз перед едой молимся, молимся перед дорогой. Утром у нас перед всякой едой есть традиция – кусочек просфорки и глоточек Крещенской воды, которой мы запасаемся на целый год. А перед сном мы помазываемся освящённым маслицем – крестообразно каждому лоб, грудь и спину. Дети мажут папу и маму по очереди и говорят при этом: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь». То есть эту молитву они знают точно, хотя, возможно, не понимают, что это молитва. Дочка, поскольку стоит со мной на клиросе время от времени, знает ещё «Трисвятое», «Господи, помилуй», «Пресвятая Богородице, спаси нас». Коротенькие молитовки, в общем. И все трое знают: если что случилось – крестись. И молись своими словами.

– Большой проблемой многих городских многодетных семей является трудовое воспитание детей. В деревне с этим как обстоит дело?

– Уверена, и в этом мы с мужем полностью солидарны, что лет до пяти дети должны жить в деревне. Не в пригороде, не в коттеджном посёлке, а именно в самой что ни на есть деревенской деревне.

Это та самая воля, которой не найти уже больше нигде.

Это свежий воздух, чистая колодезная вода, простая еда, очень близкие (даже в силу квадратных метров площади) отношения с людьми разных возрастов, это игрушки, сделанные своими руками – палки, камушки, ветки, верёвки, тряпочки, грязь. Что угодно идёт за игрушки (оказывается, это по методике Монтессори, я недавно узнала). Это даже комары, к укусам которых мои дети равнодушны, а городские страдают от каждого укуса. И, в нашем случае, это возможность и отцу, и матери жить рядом с детьми 24 часа в сутки.

Это, конечно, очень тяжело, моё самое заветное желание – побыть одной хотя бы пару часиков. Но для детей это невероятно важное время – когда рядом папа с мамой, которые во всех их затеях принимают деятельное участие. И как раз детский труд, как таковой, выражается в помощи родителям. Средний сын знает всякие ключи и рашпили, или что там ещё в мужниной мастерской, гораздо лучше меня. Младший помогает топить печку (дрова подаёт), вытаскивать из подпола банки с заготовками. Дочка моет посуду, помогает застилать постели младшим детям. Все они приучены убирать за собой игрушки перед сном (хотя в доме всё равно постоянный бардак), все чуть не дерутся за пылесос, вешают и раскладывают свою одежду.

Но каких-то закреплённых конкретно за каждым из них, обязательных работ у них, пожалуй, нет. Да и мы сами стараемся максимально облегчить физический труд – те же самые стиральные машины, пылесосы, миксеры и прочее, – ведь

в моём детстве было очень всё скромно, и моя мама, а уж тем более бабушки много делали вручную.

Я постоянно затеваю какое-нибудь мероприятие, вроде походов к ручейку (это около километра, но детишкам более чем достаточно), где мы строим мостки по болотине, чтобы легче было пробраться. Делаем кормушки для птичек. Ну, в общем, ничего экстраординарного. В этом главное – не лениться самому взрослому, потому что, конечно, дети всё делают коряво, нужно терпение, должно преобладать желание их чему-то научить, а не отругать за то, что плохо сделано, да и переделывать за ними приходится постоянно.

– Прожив достаточно долго в деревне, вы можете оценить качество вашей предыдущей жизни в городе как бы «с деревенской колокольни»?

– С материальной точки зрения мы, как я уже говорила, были очень хорошо обеспечены. Даже на момент переезда мы «просели» в доходах в семь раз, по моим подсчётам. Сейчас эта разница ещё увеличилась – детей стало больше, деньги обесценились, запасы подъели.

Мы с мужем и в мегаполисе не любили тратить деньги на всякую ерунду типа духов, бриллиантов, постоянной смены машин и прочую «статусность». Часть денег откладывали, на остальные вполне безбедно жили – на ценники не смотрели, ели, что хотели, ездили, куда хотели. На тот момент у нас был один ребёнок – мой сын от первого брака, он

был уже достаточно взрослым, чтобы везде путешествовать с нами. Мы ездили в Карелию, на юг. За границей, правда, не были, но я периодически туда летала по работе.

Но если бы нас всё устраивало, мы бы никогда не уехали из столицы, с должностей и зарплат, в никуда, в глубинку. Ведь даже большая часть дауншифтеров уезжают в благоприятный климат, на берег океана, в полное безделье, и я их понимаю, если честно. Периодически, особенно в ноябре, когда световой день длится пару часов, хочется плюнуть, всё бросить и уехать в какую-нибудь Кампучию.

– Но он ведь не только в деревне короткий, но и в городе?

– Конечно. Но в городе, во-первых, есть освещение улиц, и это очень важно. А во-вторых, там всегда есть чем себя развлечь. И каналов больше, и Интернет быстрее, для эстетов вроде меня есть консерватория, для практиков вроде мужа есть секция рукопашного боя. И всё доступно, в первую очередь по транспорту. Вышел из дома, сел в метро, максимум через час ты на месте. Полный комфорт.

Но – сначала у нас начались проблемы со здоровьем. У мужа образовались камни в почках, и это в 35 лет, пошли фурункулы по всему телу. Я не могла забеременеть. Сейчас, прожив почти 8 лет в деревне, мы понимаем, что это было следствием отвратительного питания, воздуха и водопроводной воды, нервов на работе. И это все настойчивей побужда-

ло нас к переезду в более чистое место России, каким в итоге оказалась наша Ватолиха.

Вдобавок и у мужа, и у меня на работе появилось ощущение не просто бесполезности, а даже вредности нашей работы. Не сами мы, но фирмы, в которых мы работали, в той или иной степени занимались осваиванием бюджетных денег. И, с точки зрения человечества, наше наличие на планете Земля было абсолютно бесполезным и бессмысленным. То есть – исчезни, скажем, я – начальник отдела внешнеэкономической деятельности компании АБВГД – и в мире ничего не изменится. Не то что бы мне хотелось какой-то славы или чего-то подобного, но бесцельность этого «бултыхания» откровенно утомляла и раздражала.

Я, конечно, не могу сказать, что здесь, в деревне, я приношу пользу обществу, государству или человечеству, но я по крайней мере убираю за собой мусор и не врежу экологии. Хотя бы местной. Это, на самом деле, сложно объяснить тем, кого всё в городской жизни и работе устраивает. Мы для них – чудаки, белые вороны и паршивые овцы в стаде. Так что я могу только констатировать – больше всего нас с мужем угнетала бесполезность нашей работы. Хотя делали мы её хорошо, по совести.

Сейчас, когда у нас появились маленькие дети, мы увидели ещё один плюс в жизни в деревне – безопасность детей. Я, будучи ребёнком, могла целый день гулять на улице, сходить ко всем друзьям в гости, там поесть, здесь уро-

ки сделать на завтра, поцарапать колени, порвать колготки, потерять варежки и т. п. – но родители всегда знали, что я в безопасности. Возможно, это было явление нашего города, очень безопасного, возможно, в детстве вообще дети не понимают, что люди могут причинить им вред. Но когда у меня родился сын, я уже не могла оставить его ни на миг на прогулке. Нужно было провожать его в школу, встречать из школы (это делали соседи по нашей просьбе, т. к. мы всё время были на работе), нужно было везде держать его за руку. Это ощущение опасности для своего ребёнка гораздо страшнее, чем всё остальное.

Здесь же, в деревне, дети уходят гулять на улицу, и мы даже не поглядываем в окно, где они и что с ними. Есть, конечно, правила – не лезть в пруд, не ходить на дорогу, где ездят лесовозы, не ходить по высокой траве (змеи), – ну, собственно, обычные правила безопасности. Но дети довольно легко их усваивают, если объяснить – почему так, а не иначе. А в прочие моменты я спокойна. И вижу, что детям здесь хорошо. Они действительно – и по поведению, и по внешнему виду – очень отличаются от городских детей. Поверьте – есть, с кем сравнить!

– Какими мотивами вы руководствовались, уезжая из города? Вас же сюда никто не приглашал, не звал, здесь нет какой-то общины православной, которая бы вас поддерживала на первых порах, да и жизнь здесь

не сахар. Я вообще опасюсь кого-либо приглашать сюда. В гости, пожалуйста, посмотреть. А сразу бросать всё и переезжать – это опасно.

– Мы переезжали сюда не по православным мотивам, мы вообще тогда о Церкви имели очень смутное представление, полное суеверий, ошибочных мнений и наговоров. Собственно, мы и не бросили всё, переезжая в деревню, у нас остались квартиры в Москве и Дубне, и мы не собираемся их продавать.

– Это очень важно! Многие совершили большую ошибку, продав свое жилье в городе.

– Да! Ну, и переезжали мы в каком-то помутнении разума, уверенные, что здесь будет наша дача.

– Мы, кстати, тоже поначалу были в этом уверены!

– Однако буквально за месяц дача превратилась в ПМЖ, сына устроили в местную школу, муж уволился с работы, зимой родилась дочка (родила я её в местном роддоме), и мы так и остались. Как наши знакомые из соседней деревни приехали в эти края в фольклорную экспедицию от института – и вот их экспедиция у них уже 20 лет длится.

У нас похожий вариант – мы тут «на даче» живём уже 8 лет круглый год. Мы вообще с мужем, слава Богу, довольно самостоятельные люди, многое можем сами, поэтому мы и не искали ни от кого помощи здесь. Наличие Интернета

помогает сохранить общение с друзьями, хотя, конечно, их количество сильно поубавилось. Машина даёт необходимую мобильность. Внешний доход, конечно, развязывает руки, мы не должны в поте лица своего добывать хлеб свой.

– На расстоянии многим деревенская жизнь представляется идиллией: «Хорошо иметь домик в деревне, продукты все свои, экологически чистые, красота, свежий воздух, благодать, тишина, безопасность, молочные реки – кисельные берега»... Но надо на что-то жить. Мне представляется, что один из самых реальных способов материального обеспечения горожанина, живущего в деревне, – это сдача городской квартиры в наём. Вы согласны с этим, может, есть что-то ещё?

– Сдача, и не одной, а по возможности нескольких квартир. Конечно, мало кто обладает таким богатством, но это было бы идеальным вариантом.

Есть ещё пособия детские на детей до трех лет. Это поддержка символическая. Есть вариант пенсии, например, у военных. Или у пожилых людей, которые хотят на старости переехать за город. Надеяться на то, что можно, например, продавать молоко или картошку, выращенную своими силами, можно, только если деревня находится не более чем в 10 км от довольно крупного города, хотя бы 100 тыс. населения. Но тогда, конечно, о чистом воздухе и прочих пре-

лестях деревенской жизни придётся забыть. Тогда начнётся именно страда – сенокос, уборка навоза, перенос тяжестей, неурожай, колорадский жук и ещё 33 напасти, которые описываются словосочетанием «зона рискованного земледелия». И доход будет очень скромным. По моим подсчётам и опросам местных жителей, максимум дохода – это за летний, дачный сезон около 50 тысяч в месяц с трёх коров.

Честно – мы к такому не готовы. Горожане не умеют так трудиться. И поэтому наш вариант – внешний доход.

– Вы приняли решение оставить из хозяйства только пасеку. Одним медом сыт не будешь, хватит ли доходов от нее для вашей семьи?

– Это не основной наш доход, скорее, разовая, довольно существенная сумма, которую можно потратить на какую-нибудь серьёзную покупку. Вообще, мы оставили пчёл и кур, и, пожалуй, в первую очередь для себя, для того, чтобы дети ели качественную еду. Сейчас очень много подделок мёда, не хотим никого обижать, но мы, если честно, предпочитаем есть только свой. И распространяем мы его среди очень узкого круга ценителей, готовых платить весьма приличную цену. Сейчас думаем над премиум-упаковкой. А вообще, рамка сотового мёда, на наш взгляд, – это прекрасный подарок человеку, у которого всё есть и которого уже ничем не удивить. А вот мёдом – можно!

– Если я правильно понял, старшую дочку вы хотите начать обучать дома. При этом в нашей школе очень мало учеников. И если их не будет хватать, отдадите ли вы её в школу или оставите дома?

– Очень сложно сейчас ответить «да» или «нет». Мы же решили обучаться дома не из-за того, что наша школа плохая, а потому, что мне очень не нравится сама современная методика, программа школьная, где очень много сумбура, плохо поданной и совершенно ненужной информации. Уверена, что программу начальной школы я вполне смогу преподавать ребёнку самостоятельно, учитывая её ритм, оставляя время на занятия, например, в музыкальной школе и цирковом кружке, куда мы хотим пойти с сентября. Насчёт средней школы я уже не уверена, хотя физику, например, может давать мой муж, инженер-электронщик. Возможно, к моменту закрытия школы, если таковой момент замаячит на горизонте, мы придумаем какой-нибудь ход конём, чтобы этого закрытия не допустить. Возможно, уже наши дети к этому грустному году настолько вырастут, что это и не будет нашей проблемой. Понимаете, это слишком большой, тяжёлый момент, и, конечно, хотелось бы отбрыкаться от участия в его решении, потому что это потребует очень больших усилий. Думаю, что самым правильным ответом будет – мы будем решать этот вопрос по ситуации, и я не могу сейчас сказать, что мы не отдадим наших детей в нашу школу ради её спасения.

– Сейчас идёт Великий Пост. Как он у вас проходит, и в чём вы видите его смысл в вашей многочленной семье?

– Если говорить о кулинарной составляющей, то этот пост нам сложно даётся. Мы с мужем, видимо, уже в силу возраста, очень плохо переносим отсутствие животного белка, поэтому, с вашего благословения, убрали полностью из рациона только мясо и мясные продукты, а рыбу и даже иногда молоко и яйца себе позволяем. Детям кашу варю на воде, а в тарелки добавляю молоко. Яйца варю отдельно. То есть мы им максимально даём поблажку. Но, например, полностью убрали конфеты, а сладости – печенье, зефир и проч. – едят они после Причастия, матушка в храме их угощает, или в гостях где-то.

Я стараюсь себя сдерживать в обидах, окриках на детей (хотя полностью удержаться не получается, каюсь), в количестве съеденного. Муж всю первую неделю ездил на чтение Покаянного Канона Андрея Критского, что тоже подвиг, это первый раз в его жизни. Сейчас мы хотим ещё ездить на литургии Преждеосвященных Даров, которые будут в будни.

Но, конечно, мне кажется, что мы довольно прохладно относимся в этот раз к посту, нет строгости, нет тишины в сердце. Какой-то общий раздрай в делах, который всегда усугубляется к Посту, даёт о себе знать. Очень часто и скрупулезно приходится анализировать своё поведение.

– Что ж, это спасительно.

Таня, в культовом мультфильме мама мальчика дяди Фёдора жаловалась, что ей в Простоквашино незачем и не для кого надевать вечерние платья, разве что быков очаровывать. Как этот чисто женский, женственный слой бытия реализуется в вашей деревенской жизни?

– Я раздала всю свою городскую одежду из прошлой жизни. Помимо всего прочего, я ещё и расплнела после рождения троих детей подряд. Духами нас отучили пользоваться пчёлы. Кремами я не пользуюсь тоже, кожа стала заметно лучше. Большую часть времени я хожу в футболках, спортивных штанах, юбках, что попроще. Зимой куртку накидываю. Из обуви, в основном, – пластиковые калоши (у меня они «девчачьего» розового цвета), в которых и зимой не очень холодно, если быстро за дровами или по другим делам выбежать. «Модно» одеваюсь в гости, в храм, в город за покупками. Но это тоже не та городская мода, к которой я привыкла.

Во-первых, изменились мои взгляды на одежду. Сейчас смотрю на то, что я носила, скажем, на юге, в Геленджике, и думаю: «Мдааа...».

Во-вторых, я уже не могу носить ненатуральные материалы. Только хлопок, лён, кожа, шерсть. В-третьих, почти всегда со мной мои трое малышей, и это обязывает носить

немаркую одежду со множеством карманов, за которые можно зацепиться маленькими ручонками. Но, безусловно, женская потребительская составляющая во мне есть, не умерла (и не умрёт, я так понимаю). Время от времени у меня наступают периоды обострения, когда мне хочется, как я это называю, «причепуриться». Тогда я покупаю, например, водолазку того цвета, который мне нравился, а не надеваю ту, из которой вырос мой старший сын. Или перед поездкой в город крашу ресницы. Но в основном «причепуривание» у меня идёт в сторону дочки, которой сколько ни покупай заколки, носочки и прочую дребедень – всё будет мало.

– Деревенская жизнь очень многогранна, особенно жизнь многодетной семьи, и этому можно посвятить отдельный разговор. Припомните наиболее негативный эпизод из вашей деревенской «робинзонады».

– Здесь очень атомизированы люди, я так понимаю, что остались в деревнях только те, у кого «хата с краю». Мы для них инопланетяне, они не понимают, как мы могли переехать из благополучия в неудобства. Поэтому контакты и хорошие отношения мы смогли наладить только с такими же, как мы, переехавшими из города в деревню. Впрочем, это и с нашей стороны пробел, так как мы тоже не понимаем причин поступков деревенских. Это сейчас я понемногу начинаю понимать, что к чему, но это понимание приобретается путём многократного наступания на одни и те же грабли. Очень

много безынициативных людей, которым пусть будет плохо, но лишь бы их не трогали. Почти все мечтают, чтобы их дети и внуки уехали в город, в «лучшую жизнь», хотя лично я отчётливо понимаю, что никакой «лучшести» в той жизни нет, а есть рабство. Хотя и здесь очень много отношений на уровне рабовладельческого строя. Особенно если есть какая-то власть, ведь местные жители юридически совершенно не подкованы, так их стараются унижить как можно сильнее.

Конкретных примеров, наверное, я так и не припомню, потому что не запоминаю плохого, так уж устроена моя память. Но однозначно скажу: за все годы ни разу не было настолько плохо, тяжело, чтобы нам захотелось отсюда уехать, убежать куда глаза глядят.

– А врезавшееся в память приятное воспоминание?

— О, пожалуйста! Первый раз приехав в СВОЙ дом, я замерзла, было начало мая, довольно холодно. И я решила САМА затопить печь! А оказывается, в доме с русской печкой, чтобы согреться, надо уметь ее топить. Чиркнуть спичкой и поджечь бересту – недостаточно. Неужели? Да! Надо открыть выюшку. Пока я поняла, что такое выюшка, дом заполнился чадом, и я вспомнила в музее г. Дмитрова инсталляцию «изба по-чёрному», где было очень темно и противно. Ну, что ж. С выюшкой разобрались, топила я печку часа три, а тепло в доме так и не становилось. Ведь у печки, оказывается, есть зимний и летний ходы, и сначала надо про-

греть трубу, протапливая летний ход, потом перейти на зимний, и тогда, уже к утру, можно и согреться. Наука! Но часики неумолимо тикали, а мужа и сына встречать мне надо было выезжать в 4 часа утра, и потому я решила прекратить топить и уйти спать на печку, завернувшись во все тулупы и одеяла, что нашла в доме.

Кошка моя всё это время сидела у меня за пазухой, выражая немой укор и покорное страдание в угоду хозяйке. Ей было 17 лет, она была наполовину сиамской, капризная, своенравная старушенция. Итак, мы с Маркизой залезли на печку и... я обомлела. В самом прямом смысле слова. Поскольку топила я печь долго, лежанка успела нагреться, и я из стылого неуютного дома попала в рай. Когда-то давным-давно родители взяли путёвку на 24 дня в Алушту, и там, после города, были дикие пляжи с огромными валунами. За день они нагревались на солнце, а за ночь не успевали остыть, и поскольку мы приехали в августе, то камни эти работали как огромные плиты для выпечки румяных пирожков. Я до сих пор помню то блаженное ощущение пропекающейся спины, причём насквозь, вплоть до пупка. И вот именно это ощущение я испытала тогда на лежанке русской печки.

Сначала из-за пазухи со словами: «Давно бы так!» вылезла кошка и уселась куда повыше. Потом я стала с себя снимать слой за слоем утеплённой одежды, пока не осталась в одной майке. Понимаете, ни одна электроплитка, или грелки, или

ещё что-то такое... современное, не сравнится с протопленной лежанкой русской печи. Я с тех пор поняла Емелю, который по всей сказке разъезжал исключительно на печи. Я бы тоже не стала с неё слезать, если бы у моей печки были такие способности. Но надо было встречать моих мужичков, и потому я поставила все возможные будильники, чтобы не проспать в блаженстве. Кстати, поутру ни одного намёка на простуду, насморк и любые другие проявления переохлаждения не было. Русская печь – это величайшее из человеческих изобретений. Важнее колеса!

– В общем, «лезла баба на печь, был ветер встреч»!

– Как это?

– Поговорка местная такая. От бабы Лиды слышал. Думаю, у нее много смыслов, выбери подходящий для твоего воспоминания!

– Ох уж. Я по сравнению с бабой Лидой не мастерица говорить. Все приговорки у меня от бабушек. Но с печкой ни одна из них не связана. Самая часто применяемая у меня – «охота пуше неволи». Она подходит под любую дурость, которых мы совершаем море. Ну, и – «доброму вору всё в пору». Вот, теперь мяч на стороне бабы Лиды, пусть отбивает.

– Таня, ваши малыши, как могли, помогали нам беседовать...

– Да уж, особенно Димка. Из кожи вон вылез, помогая!

Удивительно, что очки ваши остались целы.

– Сейчас им пора спать. Когда я шёл к вам домой, видел, что ваш муж лежит под УАЗиком и что-то ремонтирует. Бензин капает ему прямо на голову. Он, наверное, ремонтирует машину, чтобы съездить в райцентр за цветами и подарить их вам на 8-е марта? Как вы думаете?

– Мой муж и романтика находятся на разных полюсах. Самым романтичным его подарком, по-моему, была коробка «Рафаэлло», а вот подарить установку газобаллонного оборудования на «Москвич-2141» (моя первая машина) – это вполне в его стиле. Зато машина находится в хорошем состоянии. Время от времени отсутствие романтики меня начинает угнетать, но разговаривать напрямую на такие темы я не приучена. Выручает совместная прогулка под ручку вдоль деревенских домов – туда и обратно. Поверьте, при наличии троих маленьких детей выкроить время на неё не так просто.

Но, при своей практичности и строгости, муж души не чает в детях, с которыми проводит огромное количество времени. Это вообще большая редкость по нынешним временам, да и «немодно» как-то «настоящим мужикам» этим заниматься, а он вполне спокойно остаётся иногда даже и со всеми тремя, бывало, что и на неделю, когда я, как «мать-ехидна», уезжаю решать свои проблемы.

Конечно, это очень нелегко, мужская психика не приспособ-

соблена для таких нагрузок, но он справляется. Да и засыпать днём дети предпочитают у мужа подмышкой. Это у нас называется «папа-усыплятор». И вообще, фраза «усыпи ребёнка» у нас в семье распространена, а внешних людей она приводит в замешательство, как и фраза «спусти ребёнка с лестницы». Нет, мы вивисекцией не занимаемся, просто наших детей надо укладывать на дневной сон, сами они долго вертятся, ворочаются, шумят. А в обнимку с папой засыпают за пять минут, аж похрапывают.

– Как складываются отношения у вас с соседями, с местным населением?

– Отношения дружелюбно-нейтральные, хотя все москвичи тут по умолчанию считаются миллионерами. У нас забот по хозяйству и с детьми всегда много, поэтому мы с ближайшим соседом Сашей можем видеться раз в неделю или даже реже. Тут наделы большие, по гектару, мы не живём нос к носу, так что это неудивительно. Иногда друг другу помогаем, но они всё равно стараются справляться своими силами. И, повторюсь, подозрительность у них к нам есть, они не могут понять наших мотивов, потому осторожничают, держат дистанцию. В гости друг к другу не ходим, если говорить именно о деревенских. С приезжими поддерживаем дружеские отношения, особенно с теми, у кого тоже есть дети. Хотя эти приезжие могли приехать и 20, и 30 лет назад – всё равно мы «понаехамши». И наши дети тоже будут

детьми «понаехамших», если тут осядут. В лучшем случае наши внуки могут здесь сойти за местных.

– Тогда нынешних «местных», думаю, уже не будет никого, ими станут «понаехавшие», все к тому идет... Что бы вы могли пожелать тем, кто мечтает переехать из города в деревню?

– Здравого подхода. Здесь очень красиво, каждый день напитан благодатью. Здесь по-другому живётся, думается. Но без рациональной составляющей можно очень быстро разочароваться в деревне. Мы всё-таки состоим из плоти, живые люди. Нам надо спать в тепле, есть вкусную еду, читать хорошие книги. Всё это в деревенской жизни происходит иначе. Надо это не просто понимать, а принять в себя, сделать очевидным. Для этого самым идеальным вариантом, на мой взгляд, будет приезд на долгосрочное гостевание к кому-нибудь знакомому. В отдельный дом. Причём в самый противный сезон – март-апрель или ноябрь. Когда распутица, мало света, грязища на улице, сырость, а по телевизору – только Первый канал с его ужасающими передачами, отсутствие по нескольку часов в день электричества. И вот, если в этот период вы выживете здесь, если вам понравится, несмотря на неудобства, – вероятно, вы и сможете жить в деревне. Ещё важным моментом, мне кажется, будет совместный переезд пары – мужчины и женщины. Женщине в деревне без мужчины крайне сложно, здесь много тяжёлой физической работы, без которой никуда (или это встанет «в ко-

печку», да и не факт, что сделают хорошо). А мужчина без женщины в деревне очень быстро опустится. Будет есть картошку в мундире из чугунка круглый год, мыться раз в месяц (и умываться тогда же). Не каждый, конечно, но как правило. Мнение, что найти пару можно здесь, лично я не поддерживаю, потому что это разные галактики. Не о чем поговорить, а больше – не о чем помолчать.

– А я, Таня, знаешь, очень рад тому, что у вас, живущих в деревне и любящих её, и не только у вас, растут дети. Это – будущее. Будущее нашего прихода. Будущее Русской Деревни.

С Татьяной Ивановой

беседовал протоиерей Алексий Новиков

13 марта 2018 г.

лук в супе

(опыт воспитания детей)

– Таня, у вас четверо детей. Правомерно ли, на ваш взгляд, словосочетание «православное воспитание»? И если да, что вы в это понятие вкладываете?

Мне кажется, что только такое воспитание и является воспитанием в истинном смысле слова. То есть ребёнку вкладываются понятия, ответы на вопросы, которые он впоследствии сам себе задаст, знания, которыми он воспользуется не сейчас, а позже – как противостоять искусам, как прирастать в Боге, как молиться, как причащаться. Но если это идёт с рождения младенца – начиная от ограничений в пище перед причастием (разумного, конечно), соблюдения тишины в храме, понимания хода службы, знания текста самых базовых молитв – то это вкладывается в него очень легко и естественно. Так же, как он учится ходить, есть ложкой, убирать за собой со стола, читать и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.